

A watercolor illustration featuring a couple in silhouette embracing. The man is on the left, and the woman is on the right, her hair flowing. They are positioned in front of a city skyline with several buildings. Above them, a large tree with green leaves and clusters of yellow and white flowers hangs down. The background is a soft, blended wash of colors, including blues, purples, and yellows, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is romantic and artistic.

Лена Сергеева

Мелодия весны

иллюстратор Белослудцева Ю. А.

Лена Сергеева

**Мелодия весны. иллюстратор
Белослудцева Ю. А.**

«Издательские решения»

Сергеева Л.

Мелодия весны. иллюстратор Белослудцева Ю. А. / Л. Сергеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909655-5

Бывают девочки, как девочки. А есть — служительницы Любви. Те, для которых любовь — высшая религия. Они приносят на алтарь Любви надежды, мечты, молодость, строя собственный храм. Но однажды, под натиском северных ветров, храм превращается в хоспис, где истощенная девочка в одиночку реанимирует изжившие отношения. И бросить бы все. Убежать. Спасти себя. Но с неистовым упорством девочка твердит — Любовь не перестает, — и бросается в самую пучину жизни, дабы найти потерянную любовь. Или умереть.

ISBN 978-5-44-909655-5

© Сергеева Л.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I МИМОЗА	6
Глава 1. Улыбка висельника	6
Глава 2. Серотонин	8
Глава 3. Искусство любви	10
Глава 4. Рецепт винегрета	11
Глава 5. О программистах	13
Глава 6. Lily Was Here	15
Глава 7. Жена моего любовника	17
Глава 8. Таточка	19
Глава 9. Маугли	21
Глава 10. Привет, Андрей	23
Глава 11. Настоящее. Живое	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мелодия весны иллюстратор Белослудцева Ю. А.

Лена Сергеева

*Моим боевым подругам, женщинам,
преодолевшим желание похоронить себя
заживо, и нашедшим спасительный
источник жизни, посвящается.*

Иллюстратор Ю. А. Белослудцева

© Лена Сергеева, 2018

© Ю. А. Белослудцева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-9655-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I МИМОЗА

Глава 1. Улыбка висельника

Трудно сказать, закончилась ли наша любовь в тот день или даже не успела начаться. Стоя в одной ночной рубашке у открытого окна, я отчётливо поняла: мужчина в соседней комнате – чуждый мужчина. Инородный организм в моей жизни. Не от того ли круглогодичная простуда и мигрень? Может, это просто иммунитет борется с тем, что отравляет мое существование? В голове начали спонтанно возникать курьёзные образы. Иммунитет в образе рыцаря, в доспехах и с мечом в руке рубит все нейронные цепочки, образованные за семь лет отношений. Поджигает мосты памяти и устраивает диверсию на ценности. Я усмехнулась правой стороной лица. Так бывает, когда радость поддельная. Лицо не расплывается в улыбке симметрично. Лишь какая-то его часть. Будто одна сторона тела видит в ситуации нечто забавное, а другая смотрит на нее осуждающе и не даёт согласия на радость. Grimаса висельного юмора. Действительно. Радоваться было нечему.

В прихожей щёлкнул замок. Наспех закрыв окно, я поспешила занять почетное место в кровати. Игорь появился в дверном проёме и окинул меня беглым взглядом.

– Может не надо? – с мольбой в глазах произнесла я.

– Поздно. Скорая уже приехала.

Фельдшер с помощницей явились спустя пару минут.

– Что произошло? – спросил он недовольным тоном человека, разбуженного посреди промозглой ноябрьской ночи.

– Вот, девушка, наглоталась таблеток, – ледяным голосом промолвил Игорь и указал на меня.

Я сидела посреди кровати, поджав под себя ноги, и не верила в происходящее. Так хотелось вскочить и выпрыгнуть в окно. Но, во-первых, третий этаж, во-вторых, я – в одной ночной сорочке, ну и, в-третьих, я – какой никакой, а психолог. А они, как известно, не бегают от проблем. Они их провоцируют.

– И много выпила? – обращался уже ко мне все тот же недовольный голос фельдшера.

– Две таблетки. Голова болела сильно.

– Я нашел в мусорном ведре два пустых стандарта! – перебивая меня, восклицал Игорь.

– Так сколько все-таки таблеток вы выпили? – расплываясь односторонней улыбкой висельника, спросил фельдшер.

– Две таблетки, – стояла на своем я. Руки и ноги дрожали от скопившегося напряжения. – Мы поругались накануне, вот, мой мужчина, и решил, что я... Вы же видите, я в порядке.

Можно нам немножко галоперидола и вязки для фиксации моего молодого человека? – последнее я произнесла уже про себя. Шутить в такой неординарной ситуации я побоялась.

– Что же вы, милочка, не могли себе найти нормального мужчину? А ещё психолог... – списывая с документов мое место работы, вздыхала помощница фельдшера.

– Ну, кто-то же должен и с такими жить, – выдохнула я напряжение.

На мгновение мы встретились с помощницей глазами. Мой ответ ей явно пришелся по душе. Если бы не странная обстановка вокруг, уверена, мы бы с превеликим интересом обсудили эволюцию мужчин в современном мире.

– Поедете с нами или будет писать отказ? – протягивая бумаги, спросил фельдшер. Обсуждать наши брачные игры посреди ночи ему явно не хотелось.

– В психушку? – на всякий случай уточнила я, будто передо мной сидел не врач скорой помощи, а туроператор.

– Есесью!

– Нет, пожалуй, останусь дома, – схватив бумаги, обрадовалась я. Мысль о том, что со мной сделают на работе, узнав об этом инциденте, не давала покоя с той самой минуты, когда в хаосе нашего скандала Игорь вызвал скорую помощь. Измерив на всякий случай мне давление и пульс, бригада спасателей поспешила уйти.

– Всего доброго! – ехидно усмехнулась помощница фельдшера, смерив Игоря с ног до головы пренебрежительным взглядом. И улыбнулась однобокой улыбкой висельника.

Дверной замок щёлкнул. Воцарилась гнетущая тишина. В это мгновение мне показалось, будто душа покинула тело и повисла в воздухе, случайно зацепившись за кончики длинных волос. Тело вдруг налилось свинцовой тяжестью. Превозмогая слабость, впивая в пол каменные ледяные ступни, я подошла к Игорю.

– За что? – едва успела прошептать я.

– Какая же ты тварь! – зашипел он и припечатал мое горло к стене пальцами правой руки.

Я смотрела в его волчьи глаза пристальным взглядом. Пустота. Агрессия. Боль. Все что я запомнила. А после потеряла сознание.

Очнулась я от убаюкивающих движений Игоря. Он держал меня на руках, крепко прижав к себе, словно любимую игрушку. Игрушку, которой случайно, в процессе увлекательной игры, оторвал лапку.

– Ну что ты, милый, все хорошо. Все уже хорошо, – не веря своим ушам, произносили мои губы.

Обжигающий огонь извиняющихся соленых поцелуев обрушился лавиной на мое лицо. Гнев сменился страстью. О, этот отравляющий секс после ссоры! Души разорваны в клочья, а тела совершают над ними реанимационные мероприятия.

Закрыв глаза, я шептала про себя: «Утром все будет хорошо. Все будет хорошо. Все будет? Хорошо?»

Глава 2. Серотонин

Каждая клеточка в голове кричала о помощи. Казалось еще немного, и произойдет взрыв. Я с нетерпением ждала, когда закроется дверь за очередным пациентом. Тогда, наконец, можно будет задернуть шторы и изгнать этот пронизывающий глаза солнечный свет.

– Ощущение, что меня загнали в угол. Пустота внутри. Ничего не хочется. Ничего не радуется, – будто эхом донеслись слова пациентки, сидящей напротив.

– Давно это началось? – чуть наклонившись вперед, спросила участливо я.

– Сразу после того, как дочь Анечка уехала из дома учиться в Санкт-Петербург. Без нее жизнь потеряла всякий смысл. Раньше я бежала домой, чтобы успеть приготовить что-нибудь вкусненькое. А потом мы пили чай с печеньем и болтали, как лучшие подруги. А теперь...

– А с мужем, какие у вас отношения?

– Хм, – насмешливо хихикнула женщина, – нормальные. Не пьет, не бьет. Деньги приносит домой. А в остальном – живем, как соседи. У него – своя жизнь, а вот у меня теперь – никакой.

Синдром опустевшего гнезда – бегущей строкой пронеслась мысль в моей голове. Тем временем увеличившаяся в размерах головная боль уже готова была показаться наружу через глазницы.

Закончив прием и проводив пациентку до дверей, я повернула ключ, наспех задернула шторы и рухнула на стоящую возле обшарпанной стены кушетку. Запустив руки в волосы, я принялась усиленно растирать виски. До следующего пациента оставалось чуть меньше двадцати минут. Необходимо было что-то сделать с этой болью.

Считается, что мигренеподобные состояния возникают от недостатка гормона счастья – серотонина. Неудивительно, что мой организм испытывал его дефицит. Я могла похвастаться чем угодно, но только не тем, что я – счастливая женщина, живущая на планете Земля.

А, правда! Чем я могу гордиться? Мне 25. Уже несколько лет я работаю в обычной провинциальной больнице никем иным, как психологом, и совершенно не понимаю смысла своей работы, как, между прочим, и все остальные населяющие больницу люди – врачи и пациенты. Ко мне на прием посылают всех, кому в рамках стандартной медицинской помощи ничем не могут помочь. И тогда в карточке пишут – консультация психолога, исключить депрессию или ипохондрическое расстройство. Живу в однокомнатной съемной квартире, в ванной которой незадолго до того, как мы ее сняли, утопился дед. Иногда кажется, что все неурядицы в нашей семейной жизни связаны с этим обстоятельством. Аура в квартире, мягко сказать, напряженная. А если честно – то невыносимая. Ах, да, живем мы уже почти семь лет с молодым человеком, по имени Игорь. Несмотря на то, что кольца на безымянном пальце я не имею, собственно, как и штампа в паспорте, Игоря я считаю мужем, и всей душой люблю. Чего совершенно не скажешь о нем. Если Гэри Чепмен, вероятно, когда-то познавший любовь, написал книгу о пяти языках любви, то за годы наших отношений с Игорем я изучила не менее сотни языков нелюбви.

О себе я могу сказать двумя словами. Ну, во-первых, добрая. А во-вторых, не глупая. Хотя, если учесть, во что превратилась моя жизнь, то, пожалуй, правдивее оставить только «добрая». Последние годы мой вес увеличивается в геометрической прогрессии, а примерочная в магазине одежды все больше напоминает комнату страха. Это – не мое тело. Оно скорее принадлежит какой-то замученной жизнью тетке, которая ходит в перевалочку с двумя авоськами из магазина. Или человеку, который постоянно объедается в заведениях фаст-фуда. Кому угодно! Только не мне. Внутри я – хрупкая и нежная, но когда смотрюсь в зеркало –

хочется пробить его головой от ненависти к тому, кто показывается в отражении. Я – человек, потерявший свое отражение.

Вот, пожалуй, и все причины для гордости. Хотя выглядят, они, скорее, как список причин для суицида. И если в этой жизни мне и есть чем гордиться, тогда пусть это будет чувство юмора. Извращенного юмора висельника, который идет на голгофу, но при этом не теряет бодрого расположения духа, и пытается еще при этом рассмешить идущих рядом.

Один вопрос только не дает мне покоя уже несколько лет. Если я все знаю, и понимаю, что происходит вокруг, то почему ничего не делаю, чтоб изменить ситуацию? Почему?

Глава 3. Искусство любви

Дорогу истинной любви

Мостят из плоти и крови. И если кто по ней пошел

То должен приподнять подол (Хафиз Ширази)

Всю сознательную жизнь любовь была моей религией, а я – ее верной служительницей. С самого раннего детства, когда другие девочки выстраивали себе образы своих возлюбленных, я придумывала сюжеты – жертвоприношения. Ради любви я готова была на все – поехать в глушь, чтоб быть с любимым рядом, отказаться от карьеры, заниматься домом и детьми, вставать ранним утром, дабы к столу моего возлюбленного всегда была свежая ароматная еда, пренебрегать своими потребностями во имя комфорта любимого мужчины. Решительно согласна на все. Вот только найти бы того, кто принял эту жертву. Хотя нет, не так. Найти того, кого можно было бы принести на алтарь своей Божественной Любви.

С Игорем я познакомилась незадолго со своего совершеннолетия. Высокий, статный брюнет с невероятной тоской в глазах и смущенной улыбкой. Мы бежали друг к другу на свидание, как маленькие дети бегут к маме после долгой разлуки. Едва увидев его издалека, я ускорила шаг, переходила на бег, а он расплывался в улыбке, обнажая свои игривые ямочки на щеках, и распахивал руки-крылья. Объятия были жаркими и долгими, хотя обычно с момента нашего расставания не проходило даже суток.

Я любила его любить. Честнее было бы сказать – я любила себя в этих отношениях. Мне нравилось быть принадлежащей мужчине, при этом долгое время, оставаясь целомудренной. Это у других в отношениях главное – секс. А моя любовь – не такая. Она особенная. Священная.

Спустя год, когда на скрипучей кровати в моей маленькой девичьей комнате среди книг и разноцветных открыток произошло соединение наших тел. Но я так и не поняла – почему люди стремятся заниматься сексом? На секунду мне стало страшно, а вдруг я фригидная? Я не чувствовала ровным счетом ничего. Кроме покрасневших щек и алеющей простыни ничего не напоминало о случившемся.

– Так всегда, наверное, бывает впервые. В следующий раз будет лучше, иначе, – подумала я.

Но и во второй, и в пятый, и в сотый раз было качественно одно и то же. Плающая страсть в моей груди, и желание, пульсирующие по всему телу, оставались не утоленными.

– Я – никчемная любовница! Бесчувственная, холодная женщина! – пронеслось в голове техасским ураганом. Так не должно быть! Моя священная любовь не должна пострадать из-за какого-то там секса. Зажмурив глаза, и пару раз выдохнув, я открыла страницу всемирной паутины, где обучают «искусству любви». Открыла и замерла.

– А можно мне это обратно развидеть? – подумала я. – Как можно спокойно жить после того, как ты увидел все нетипичные способы использования человеком своего тела? Нет. Я точно никогда такого не буду делать! В конце концов, путь к сердцу мужчины лежит через желудок!

С этими словами я пошла зубрить кулинарную книгу Джейми Оливера.

Глава 4. Рецепт винегрета

На уроках домоводства в школе нас учили готовить винегрет.

– Сейчас я вам открою главный секрет идеального винегрета, – говорила с придыханием Нина Ивановна. – Сначала нужно нарезать свеклу и пропитать ее оливковым маслом. И только затем добавить остальные овощи. Так удастся избежать окрашивания блюда в красный цвет, и получится настоящий кулинарный шедевр.

Окончив школу с золотой медалью, я в совершенстве знала рецепт вкусного и полезного винегрета, а вот рецепт вкусных отношений так и остался для меня загадкой. Что положить в основу здоровых отношений? И чем это основание сдобрить, чтобы при добавлении других ингредиентов все не смешалось в одну нелепую массу?

В моей голове существовала целая энциклопедия знаний о строении мира и человека. Но в человеческих отношениях я была совершеннейшим Маугли. Я понимала, так случается, если первые 20 лет жизни посвятить дружбе с книгами. Но вопрос заключался в другом: как пройти курс социализации в людских отношениях экстерном? И где проводят такие курсы?

Вероятно, сейчас я бы отправилась на терапию к психологу и попросила дать хоть какие-то ориентиры семейной жизни. А может, и того проще – обратилась бы к Google с запросом «Краткий курс семейной жизни». Но тогда, 15 лет назад, многие из нас были информационными сиротами, и довольствовались опытом, добытым нашими друзьями и родителями. В этом и была моя ахиллесова пята. Опыт, который я созерцала, был более чем пессимистичен.

Мама учила вставать до рассвета и готовить для мужа завтраки. От того, нацепив на себя роль жены, я каждое утро выпрыгивала из постели и бежала к плите. Ей-Богу, я никогда не думала, что жарить котлеты или блинчики так сложно! Если бы потребность писать проснулась у меня в те годы, свою первую книгу я бы назвала «50 оттенков подгоревших котлет». На крохотной кухне в съемной квартире я ежедневно плакала и выбрасывала в мусорное ведро сковороды обуглившихся котлет, гренков, оладий и еще Бог знает чего. Казалось, я навечно останусь кулинарной девственницей. Так и видела воображаемые заголовки в журналах: «На дочери кулинарного гения природа решила отдохнуть!»

Игорь жутко не любил мои кулинарные эксперименты. Не знаю, что его больше раздражало – гроыхание кастрюль ранним утром или нелицеприятный вид свежеподгоревшего завтрака.

– Аль, я не люблю завтракать, понимаешь? – каждый вечер твердил он.

В ответ я хлопала большими глазками, пытаюсь осмыслить суть послания, но утром все повторялось снова и снова.

Через пару лет мои завтраки стали качественно вкуснее. Наконец-то генетическая программа сработала, и руки сами начали творить чудеса на кухне. Воздушные омлеты, запеканки с хрустящей сырной корочкой и ароматная выпечка появлялись на столе, будто по велению волшебной палочки. И только настроение Игоря относительно завтраков не поддавалось никакой магии.

– Дал Бог завтрак, даст и аппетит, – игриво повторяла я, выскакивая по утрам из кровати. Мотивация сотворить что-нибудь этакое не давала мне спокойно спать.

Каждый вечер, пролистывая кулинарные заметки, я не засыпала до тех пор, пока не находила то, что хочу приготовить на утро. И только когда внутренний цензор, восклицавший: «Вот это! Это будет завтра на нашем столе!», отпускал меня в объятия морфея. «Какая разница, что мой мужчина не любит завтракать? Полюбит. А не полюбит, так привыкнет. В конце концов, завтрак – самый важный прием пищи», – размышляла я. В моей голове была четко прописанная программа, как надо делать. Любое отклонение от этой программы каралось ужасными муками совести.

Как это мужчина придет с работы, а на плите нет свежеприготовленной еды?
Как это – нет настроения готовить?
Как это он не хочет есть твою еду?
Плохая девочка. Плохая жена. Плохая. Плохая.
И едкое ощущение – что-то идет не так. Неправильно.
Сбой программы. Вернуться к настройкам производителя.

Глава 5. О программистах

*Многие считают, что трудно дышать без атмосферы
Но мы нашли решение. Мы просто перестали дышать. Сесил
Гершвин Палмер*

Родители – лучшие в мире программисты. Языки, на которых они пишут для своих детей сценарии, не идут ни в какое сравнение с Си, Delphi и даже BitC. Уже став взрослой женщиной, специалистом по процессам, которые происходят у человека в голове, я до сих пор гадаю над этой великой тайной. Как перепрограммировать родительские послания? Ведь бывает так, что программа, которую нам прописали в детстве, перестает работать во взрослой жизни. И даже порой работает против нас.

Как внести в этот заданный с пеленок сценарий вирус и изменить установки на жизнь, ценности, идеалы? Как возвести родительскую надзорную совесть в само-совесть и начать жить собственной жизнью?

Сколько себя помню, никогда не была послушной девочкой. Но три кита, на которых должна была держаться семейная жизнь, усвоила отменно. Вкусно готовить. Поддерживать чистоту в доме. И хорошо выглядеть. Поэтому когда по ночам мы с Игорем устраивали бои без правил, в доме пахло чистотой, на плите дымилась еда, а я была аккуратно причесана и в свеженькой сорочке с рюшами. Мама могла бы мной гордиться.

Сложно сказать, в чем заключался предмет наших с Игорем ссор. Иногда кажется, что его и вовсе не существовало. Были лишь поводы для борьбы друг против друга. Два чужих человека, два эгоиста, разделенные огромной зияющей пропастью, которую называли любовью. Иногда мы выходили на шаткий подвесной мостик перемирия и пытались получить хоть какое-то удовольствие для себя, один за счёт другого.

Игорь по-мужски привык получать удовольствие в постели, реализовывая свои тайные эротические желания. Мне же досталась вся прелесть женского домоводства – возможность выстраивать быт по образу и подобию своему. Восторженное благоговение я испытывала, когда обустроивала наше жилище! Шторы из Икеа, вазы с цветами, свечи, рамочки с фотографиями, на которых мы выглядели такими счастливыми. Каждый раз, привнося в декор дома новшества, мне казалось, что вот теперь все наладится, что в этом уютном гнездышке просто нельзя быть несчастными. Какое великое значение я придавала каждой вещи в доме! Будто выстраивала между нашими отношениями с Игорем и этими вещами ритуальные связи.

Как горько я оплакивала каждый раз после ссор сломанные вещи. И почему я не создала тогда музей разбившихся вещей? Можно было бы часами бродить по нему и вспоминать. Вот на этих тарелках в желтый цветочек я каждое утро подавала завтрак. А однажды нашла у Игоря в телефоне сообщение от другой женщины с благодарностью «за чудесный вечер, да жаркие поцелуи», и швырнула в отчаянии тарелки на пол. Хорошие были тарелки. А вот песочные часы с милейшей гравировкой «Наше чувство, как время, бесконечно», подаренные мной на годовщину знакомства... Их я запустила в стену после того, как нашла в ванной комнате бирку чужого бюстгальтера. А где-нибудь, в центре музея, можно было бы создать макет моей разрушенной природной программы. Вот, дескать, была такая штука, но не выдержала испытаний реальностью, дала сбой и развалилась на множество осколочных файлов.

Вы когда-нибудь замечали последствия разрушения жизненных программ? Ощущали эту липкую навязчивую тревогу, которая, не заставляя себя ждать, появляется каждый раз, когда что-то идет не так? Кто-то предпочитает топить это незримое волнение в вине, другие ищут спасение в работе или детях. У меня же таким убежищем для тревоги служила уборка. Чем беспокойнее было на душе, тем чище становился дом, все более напоминая стерильную

операционную. Криво висящая картина, не вымытый стакан в раковине, небрежно брошенные Игорем носки становились причиной очередного беспокойства. Но стоило только поставить вещи на свои места, натереть до блеска посуду, как тревога спускалась до приемлемого, выносимого уровня.

Завершив самовольно придуманные ритуалы, с улыбкой довольного невротика я каждый вечер отправлялась спать. Но стоило только Игорю встать после того, как мое тело касалось кровати, я заново наполнялась тревожностью. Выдавить из себя что-то наподобие: «Милый, знаешь, что-то неладное творится с моей психикой. Объяснить это я не могу, но не мог бы ты ставить вещи на свои места, и по возможности не сорить. А еще лучше – не дышать», – я не могла. А потому оставалось только украдкой, под любым предлогом вставать после Игоря и проверять, все ли так, как должно быть. И в какое возмущение я приходила, если вдруг обнаруживала не по размеру стоящие тарелки в сушилке или плохо промытый стакан! Дыхание перехватывало в горле, и я начинала судорожно хватать ртом воздух.

Мое тело чутко реагировало на происходящее вокруг. Я увеличивалась в размерах на глазах. Как мне казалось, даже не от того, что ем, а от напряжения, которое день ото дня становилось все больше и тяжелее. Не проходящие головные боли мешали мыслить трезво. Единственное, что спасало от них – сон. Круглосуточный сон, с перерывами на работу, ссоры с Игорем и невротическую уборку. Но самое тревожное из того, что происходило с моим телом, появилось на шестом году наших отношений. Я разучилась дышать. Ловила ртом воздух, испытывая потребность заглотить как можно больше кислорода, но легкие отказывались раскрываться. Чтоб вздохнуть полной грудью, мне нужно было посмотреть, как это делает кто-то рядом. Дышать по подражанию, так я это называла. Так у нас с Игорем появилась новая забава. Просыпаясь посреди ночи, я судорожно хватала его за руку и просила подышать вместе. Вдох и медленный выдох. Вдох-выдох. Дикий страх задохнуться во сне наполнял меня, переводя организм к мобилизации всех ресурсов. Все о чем я молила Бога каждый раз, закрывая глаза – кислородная маска, реаниматор, глоток воздуха полной грудью.

Глава 6. Lily Was Here

Судьбы многих женщин стали бы чуточку счастливее, если бы мамы в детстве читали своим дочкам правильные сказки. Какой была ваша любимая сказка? «Золушка», «Спящая красавица», «Синяя Борода», «Морозко» или «Двенадцать месяцев»?

В сказках, которые нам, маленьким девочкам, читали на ночь глядя, главная героиня – кроткая и прекрасная девушка, несчастна ровно до тех пор, пока в ее жизни не появляется спасительная мужская фигура. Ободряющие братья-месяцы, задорные гномы, нежный принц или величественный Морозко – все они призваны подвести черту под прежней не очень-то счастливой жизнью. Боль, обман, унижения, предательство, обида – все это возможно. Но ровно до тех пор, пока ты не встретишь «того самого» принца. Он ворвется в твою жизнь стремительно, бесповоротно и напишет заглавными буквами на новой странице – «А теперь про любовь!» И будет любовь. И случится счастье. Надо только дождаться.

И вот ты встречаешь «того самого» принца. Сердце отплясывает чечетку. Щеки розовеют от предвкушения. А сама ты пытаешься принять красивую позу в том дубовом гробу, что смастерили родители, дабы сберечь невинность своей дочери. Манерно выпятив губки, ты начинаешь ждать, когда же случится главное событие жизни. Ощущаешь кожей каждое движение принца. Вот он прошел по комнате. Заварил чай. Откусил печенье.

Все внимание сосредоточено только на нем. Сама же ты словно превратилась в слух. Вот крошки от печенья посыпались на пол. За окном пропел соловей. В голове, словно на сцене большого театра разворачивается ритуал пробуждения. Много света, ярких красок и мажорные ноты меняют минорность твоего существования. Но в реальности, ты по-прежнему лежишь в дубовом гробу и боишься пошелохнуться. А вдруг испортишь все таинство момента?

Лежать, изображая из себя мертвую царевну, занятие малоприятное. То ноги затекут, то чихнуть хочется. Поэтому однажды, ты решаешься одним глазком посмотреть, что же творится вокруг. И что же ты видишь? Вместо прекрасного принца в башню забрался ужасный дракон. Мерзкий, отвратительно пахнущий дракон ходит у твоего изголовья, чешет свой мохнатый хвост и совершенно не намерен никого спасать.

– Ошибочка вышла, – говоришь ты тихонько, укладывая себя обратно в сценарный гроб.

Расправляешь складочки на платье, поправляешь растрепавшиеся волосы и продолжаешь смиренно ждать принца. За окном луна меняет солнце, дождь превращается в снег, снег становится каплей. А ты, как и прежде, лежишь в состоянии анабиоза в одной башне с драконом и ждешь, пока придет некий принц, который способен пробудить в тебе жизнь.

– И он, конечно, придет. Надо только подождать. В сказках рано или поздно такое случается. А еще драконы превращаются в прекрасных принцев. Надо только сильно их любить, – говорила я Андрею, едва сдерживая слезы.

– Балда ты, балда, – укоризненно качал головой он и аккуратно осматривал мои раскрасневшие синяками руки. – Как же это происходит снова и снова? И почему ты его не бросишь?

– Наверное, потому что я ему нужна, – промычала я несмело, закутываясь поглубже в шарф, чтоб спрятать следы очередной ссоры.

Андрей резко отодвинулся и смерил комнату быстрыми шагами. Потом вернулся и, присев на корточки так, что наши глаза встретились, спросил:

– А что нужно тебе? Чего хочешь ты сама?

Мысленным взором я окинула репертуар возможных ответов и поняла, что этот вопрос скорее риторический. Хочу быть счастливой. Хочу быть любимой. Хочу любить. Эти ответы были скорее ширмой, за которой скрывалась зияющая пустота, ледящий душу хаос. В самом же деле, я не знала, чего хочу и умею ли я хотеть. Привыкла видеть мир через призму

желаний и стремлений своего мужчины. Хотела только того, чего он хотел. Мои же желания разрушались, не созревая. Я будто спящая принцесса из сказки, пребывала в анабиозе, раскачиваясь в дубовом гробу между небытием и жизнью.

– Хочу песню, – сказала я шепотом, не отрывая своих глаз Андрея.

– Хм... – только и сказал он и подошел к компьютеру.

Lily Was Here заиграли Кэнди Далфер и Дэйв Стюарт. Я закрыла глаза и почувствовала, как мелодия саксофона, проникая сквозь кожу, зализывает мои раны. На мгновение я ощутила, что это место здесь и сейчас – самое безопасное место в мире. Все, что происходит за пределами этой комнаты – сон, а настоящее – оно тут, рядом. Близкое, родное, комфортное. Как будто здравый рассудок вдруг впервые заговорил со мной своим строгим голосом. Трезво и без эмоций, без подкашивания коленок и краски на лице. Но кто же слушает рассудок в двадцать пять лет? Особенно, когда ты по самую макушку поглощен вселенской драмой жизни!

В ту ночь я долго не могла уснуть, все думала об Андрее. «Твой человек. Комфортный. Уютный. И если ты ничего не сделаешь, то без него ни счастья, ни настоящей жизни по большому счету не будет». Никак не утихал разум. И душа каждый раз замирала от этих мыслей.

– Да нет, ерунда какая-то! – пробурчала я себе под нос, и взяла наушники со столика. Включила мелодию саксофона и снова погрузилась в анабиоз.

Глава 7. Жена моего любовника

В список смертных грехов современности я бы добавила еще один – сохранять мертвые отношения и разрушать живые. Было ли в вашей жизни подобное? Пытались ли вы всеми силами, с привлечением магических ритуалов оживить то, что уже покрылось пылью и откровенно пахнет мертвечиной? А было ли так, что решительно жали на тормоза, когда сердце трепетало, и жизнь накрывала вас мощной согревающей душу волной?

Этот летний день помню, как сейчас. Восьмое августа. Поздний вечер. Мы возвращаемся домой из гостей. В машине играет что-то агрессивно мерзкое из репертуара Rammstein. Игорь одной рукой ведет машину, другой нервно курит. Я стараюсь отвлечься, любуюсь огнями ночного города, мелькающими в окне, и не думать о том, что ждет дома. Ежевечерние ссоры по расписанию не просто успели утомить за пару лет, а вызвали стойкий страх перед наступлением ночи.

– Алло, – отвечаю я на телефонный звонок с неизвестного номера.

– Привет... – слышу в трубке звонкий девичий голос.

– Привет, – эхом отвечаю я.

– Отпусти его, – продолжает говорить голос по ту сторону трубки.

– О чем это вы? – делаю вид, что не понимаю о чем речь, выдавливаю из себя как можно увереннее эти слова.

На самом деле, с первых нот разговора я понимаю, кто это и по чью душу мне звонят. Дыхание перехватывает так, будто мне на горло наступили кирзовым сапогом. Ладони холодеют. Мозг не успевает сложить слова в нужные комбинации. Ощущаю себя жертвой, которая нечаянно попала в капкан.

– Все ты понимаешь, – хихикает голос в трубке, – он говорит, что не может уйти, потому что ты что-нибудь сделаешь с собой.

– Это неправда, – говорю я чуть увереннее, и поворачиваю лицо в сторону Игоря. – Он может идти куда захочет. И давно бы это сделал. Просто ты ему не нужна, – пошла ва-банк я, решив прощупать болевые точки соперницы.

Игорь тормозит машину на обочине, и пытается выхватить из моих рук телефон. Я выхожу, хлопая дверью машины. Ощущение, будто гигантская волна цунами уже показалась издалека и вот-вот нас накроет. Стоит только осмыслить происходящее и с нашей прежней жизнью будет покончено.

– Хм... – переходит на крик юное создание – А кому ты нужна? Ты видела себя в зеркало? Чудовище! Старое, толстое чудовище!

В телефонной трубке раздаются гудки. Неотвратимость произошедшего пугает до дрожи, до помутнения рассудка. Одно дело, когда ты интуитивно догадываешься, что у мужчины, который каждый вечер ложится с тобой в постель, есть любовница. Другое – убедиться, что это правда. Дерзкая, самовлюбленная правда, которая моложе тебя на 7 лет. С голубыми глазами и длинными стройными ногами. Но и это не главное. Твой родной мужчина позволил ей думать, что он – ее мужчина. И все у них будет хорошо. Вот только сумасшедшая жена – препятствие на пути к их счастью.

– Зачем ты с ней разговаривала? – вступает в крикливо-оборонительную позицию Игорь.

– Поехали... Я очень устала, – шепчу в оцепенении я, закрывая за собой дверь машины.

– Она – сумасшедшая! – не унимается взбудораженный Игорь. – Я подвез ее пару раз, а она придумала себе всякого.

– Конечно, милый, я так и подумала, что ты не при делах. Может ли мужчина любить двух одновременно? Думаю вряд ли. А вот обманывать – пожалуйста.

– К чему это ты?

– Да так... – уставившись в окно, продолжаю я свой монолог. – Забавно, наверное, смотреть, как две разъяренные самки воют за тебя. Сразу чувствуешь свою значимость и превосходство.

– Чем мне тебе доказать, что между нами ничего не было? Ну, хочешь, я не буду носить бандану, которая тебя так раздражает?

Машина резко тормозит на мосту. Игорь выбегает. Снимает с головы свою любимейшую бандану. Немного медлит, будто прощаясь с обожаемой вещью, и выкидывает ее с моста в реку. Потом возвращается, сжимает меня обмякшую в объятиях, целует нежно и сладко, как бывало только в начале наших отношений, и говорит до горечи сладкие слова:

– У нас все будет хорошо, слышишь, Аль? Теперь у нас все будет по-другому, дай мне еще один шанс.

Долгое время я желала, чтоб стиль одежды Игоря был более классическим. Никаких спортивных костюмов, маек ядовитых расцветок, черных бандан, которые в сочетании с неухоженной длинной бородой превращали его в вечную мишень полицейских. Рядом с ним я чувствовала себя строгой старшей сестрой, которая пытается перевоспитать бунтующего брата. И вот сейчас, когда он говорит слова, которых я так долго ждала, когда так щедро кормит обещаниями скорых перемен, я ощущаю абсолютное равнодушие. Как будто высохли все слезы и закончились запасы истерик. Осталась только пустыня выжженных чувств. И не от того ли, как миражи, периодически возникают на горизонте любовницы? Как источник встряски, подпитки наших отношений?

О, если бы только жены знали, какую колоссальную энергию черпает мужчина в этих оазисах любви и страсти! Для многих мужчин любовница – место силы, источник вдохновения и отдохновения. С ней можно быть сильным, властным, дать проявиться качествам, которым никак не находится применение в обыденной семейной жизни.

Я всегда тонко ощущала момент, когда Игорь возвращался от другой женщины. Искра довольного хищника в глазах, желание быть деликатным, внимательным, дабы замаскировать вину. Но в каждом поцелуе, в каждом объятии я чувствовала присутствие другой. Будто она делала его чувственнее, заряжала энергией желанности и мужественности. В такие моменты секс был с привкусом яда, отравляющего медленно и нежно. Шизофреническое чувство ненависти к другой и одновременно с этим благодарности за то, что она дарит твоему мужчине то, что не в силах подарить ты.

Вечером этого дня во мне родилось незнакомое прежде чувство. Пугающее и таинственное, но от того манящее еще сильнее. Я вдруг отчетливо поняла, без чего больше не проживу. Чего мне хочется по-настоящему, больше всего в жизни. Хочу смотреться в зеркало и хотеть себя. Хочу скинуть с себя эту лягушачью шкуру примерной девочки и уютной жены. Хочу почувствовать страсть к жизни, получать кайф от нее.

– Я буду лучше. Лучше для себя. И непременно найду способ, как развязать этот гордиев узел нашей зависимости. Не хочу больше носить это унижительное имя «жена моего любовника», – сказала я шепотом спящему Игорю, и, отвернувшись от него, впервые за долгое время, уснула сладким сном.

Глава 8. Таточка

– Он меня бьет, – набралась я смелости и выдавила из себя, словно из мясорубки, эти царапающие глотку слова.

Таточка посмотрела задумчиво и произнесла то, что я меньше всего ожидала услышать в такой ситуации:

– Как интересно...

Интересно? Интересно! Это чудовищно! Трагично! Апокалиптически! Надеялась услышать я. А вот это прохладное «интересно» совершенно не клеилось с ситуацией. Захотелось накинуть плащ невидимку и прекратить этот разговор. Возникло ощущение, будто мои чувства, такие нежные, искренние, ранимые, словно мимоза, обесценили. Взяли с высокой полки раритетных вещей и переложили пониже, к товарам по уценке.

– И как это происходит? – продолжила Таточка.

– Сама не понимаю. Все так стремительно разворачивается. Фрагментами, как во сне. Вот Игорь приходит домой. Я жду его радостная, в предвкушении встречи. А тут он уже кричит. Я не хочу присоединяться, но Игорь делает все, чтоб зацепить меня, утащить в воронку ссоры. И в следующий момент он замахивается, а я закрываю голову руками.

– Страстные у вас игры! Поздравляю, моя девочка, ты стала для него по-настоящему близкой.

– Почему? Не понимаю, о чем ты, – говорю я Таточке, с неподдельным чувством потрясения.

Всегда считала поговорку «бьет, значит, любит» полной ерундой. И все, что между мной и Игорем происходит, я назвала бы как угодно – болезнь, зависимость, одержимость. Как угодно именовала бы наши отношения, но только не как истинную близость.

– Ну, все же просто. Сдержанный на эмоции мальчик, привыкший держать себя в руках всю жизнь, вдруг встречает девочку, которой может открыться, доверить все, что накопилось внутри. Ну, продолжать?

– Кажется, начинаю понимать... – произношу почти шепотом я, хотя в моих глазах, скорее, светится не радость понимания, а ужас. Потрясение, смешанное с нотками ликования.

Это похоже на первое признание в любви. Человек смотрит на тебя, широко распахнув глаза, боясь пошевелить даже ресницами. И тихонько, трепетно рождает на свет эти слова – я тебя люблю. И ты расплываешься в улыбке счастья, закусывая нижнюю губу. Снизу вверх. Сверху вниз. По телу разливаются горячие волны возбужденного наслаждения. Ты сокращаешь дистанцию между вами до уровня, когда можно услышать, как стучат сердца друг друга, и шепотом произносишь...

– И что мне делать с такой его близостью? – выпускаю в пространство вопрос по сути риторический. На душе одновременно тепло, будто я и правда услышала долгожданное признание в любви, и проползают мурашки холода. Любовь-то колючая. Больночая. Режущая. Гораздо проще приучить себя к мысли о том, что живешь с человеком, который не очень-то тебя любит, чем осознать, что все как раз наоборот. Что ты для него милая, дорогая, необходимая, просто любовь его не теплая и обнимающая, а вся сотканная из боли.

– Попробуй его понять. Чего ему на самом деле хочется? Быть правым? Позволь ему быть правым.

– Но ведь он не прав! Он... – начала тараторить я, желая перечислить все пункты, по которым считала Игоря не правым в наших отношениях.

Таточка прервала меня ледяным тоном, пригвоздив к стенке своими зелеными кошачьими глазами:

– Вот поэтому ты и получаешь! За то, что гасишь его попытки быть мужчиной! Он мужчина, он всегда прав. Но даже, если это не так, не обязательно ему об этом знать. И твоя задача, как женщины, сделать все, чтобы именно с тобой он чувствовал себя мужчиной.

А в постели ты тоже ведешь себя так же? Контролируешь каждое его действие?

– Ммм, ну да, – зардевшись, закачала я головой.

– И зачем? – глаза Таточки поползи на лоб.

– А вдруг он сделает мне больно?

Таточка рассмеялась заливисто и так по-доброму, по-матерински нежно сказала:

– Аль, если вот тут (и показала на голову) все хорошо, больно не будет никогда. Или у тебя там все устроено не как у других?

Мой процессор дымился. Роль героини-жертвы, которую я неосознанно проигрывала день изо дня, никак не увязывалась с тем, что предлагала мне Таточка. В моей слаженной картине мира все было предельно ясно. Если человек не прав, нужно непременно ему об этом сказать, доказать, привести аргументы, тыкнуть носом, как нашкодившего котенка, в конце концов, в то место, где он допускает ошибку. Ведь я-то знаю, как оно должно быть! Как надо любить, чтоб мне понравилось. Что нужно делать, чтоб было хорошо.

Моя голова закружилась, когда в нее начали приходиться эти инаковые мысли. Получается, все это время, я занималась любовью сама с собой, совершенно не видя, не принимая чуждую мне любовь мужчины. Даже в постели мы делали только то, что допускала я. Не оттого ли было так однообразно и скучно? Едкая боль просачивалась в сердце. Неужели я сама превратила свои отношения, которым так якобы дорожила, в крошечный ад? Этого совершенно не может быть. Совершенно. Если бы этот вирус внесла в мою программу не Таточка, я бы, скорее всего, развернулась и ушла, оставив при себе свои мысли. Но Таточке мне не было основания не доверять. Таточка было уникальна.

Глава 9. Маугли

Когда мы познакомились, Таточке было немного за сорок, хотя выглядела она гораздо моложе. Большие зеленые глаза, черные, как смола волосы и гибкое живое тело. Да, да, именно живое! Столько в нем было кошачьей грациозности. Когда Таточка шла впереди, не возможно было не любоваться, как ее изящные округлые бедра плавно раскачивались, а ноги так мягко ступали, что казалось, каждым шагом они целуют землю под собой.

Украшения из камней – серьги, бусы, перстни, браслеты – все, что прежде ассоциировалось у меня с атрибутикой бабушек, так гармонично смотрелось на Таточке, придавая ее образу особое женское очарование. А ее атмосферные наряды! Иногда мне казалось, будто они каждое утро рождаются ниоткуда, специально под ее сегодняшнее настроение.

Таточкины руки были постоянно чем-то заняты. Заваривали крепкий кофе, готовили ароматный обед или занимались хитросплетениями пряжи. Таточка, крючок и пряжа были для меня практически синонимами. Яркие платья, воздушные юбки, кокетливые кофточки – все это волшебным образом появлялось на глазах, стоило Таточке только дотронуться до крючка.

А еда! Как искусно она орудовала на кухне!

– Ты любишь рыбу? – спрашивала она у меня.

– Наверное, да. Только я не очень умею ее готовить, – говорила я, пожимая плечами, как бы извиняясь, за свое неумение.

– Все очень просто! Смотри! – произносила озорным голосом Таточка, и ее руки принимались колдовать над рыбой. Нежными движениями она натирала ее специями, выжимала сверху сочный лимон, и все это с таким воодушевлением на лице! С таким аппетитом и любовью, что казалось, рыба сейчас оживет и будет наслаждаться Таточкиными прикосновениями.

Рядом с Таточкой и, правда хотелось быть собой, и никем иным. Можно было плакать и смеяться, злиться и раздражаться, и она спокойно это принимала. Возможно потому, что принимала все эти эмоции в самой себе! Таточка, как природа, могла быть разной – бушующей, как море в непогоду, с раскатами грома и молниями, мягкой и нежной, как первые весенние цветы, томной и жаркой, как летний зной. И все эти состояния вызывали у меня восторг и миллион вопросов. Как можно так естественно себя проявлять в мире? Неужели если тебе что-то не нравится, можно об этом говорить? И злиться? Можно открыто рычать, если тебе делают больно или пытаются забрать то, что ты считаешь своим?

– Да, Аль, все это не можно, а нужно делать. Где ты выросла? В джунглях?

– ...я молча пожимала плечами.

– Я буду звать тебя Маугли, – улыбалась своими мудрыми глубокими глазами Таточка.

– А ты будешь моей Багирой, – вторила я ей.

– Смеяться и плакать, переживать боль и радость – это нормально. Это говорит о том, что ты живая. У тебя есть сердце и душа. А вот если все это держать в себе, то можно незаметно стать мумией и перестать жить.

– Багира, как же научиться жить в этом мире?

Таточка подвела меня к большому зеркалу и спросила

– Тебе нравится, что ты в нем видишь?

– Нет, не совсем, – пытаюсь не смотреть в отражение, ответила я.

– Тогда сделай что-нибудь с этим. Что с твоей прической? Когда ты последний раз мыла голову? К чему эти балахонистые черные вещи? А эта походка вперевалочку, как у старушки, – Таточка недвусмысленно вздохнула и смерила меня своим пронзительным взглядом. – Ты должна понравиться самой себе, полюбить себя. А уж потом думать о том, чтоб тебя полюбил мужчина.

Мне тяжело было признавать, но я совершенно не понимала, как это ухаживать за собой, делать своему телу приятные вещи, любоваться отражением. Казалось, будто эта функция не встроена в меня. А если и встроена, то глубоко повреждена. Я никогда не относилась к тем девушкам, которые могут часами крутиться перед зеркалом, разглядывая каждый сантиметр своего лица и тела. Скорее наоборот, мне было комфортнее не думать о себе, занимая свои мысли заботами о близких.

Не знаю, что было в этом разговоре особенного, ведь, по сути, он был горький и вскрывал все то, о чем так долго я старалась не думать. Но именно после него у меня появилось жгучее желание начать относиться к себе, как к самой красивой девочке. Холить и лелеять свое тело, чувства, и, главное, мне захотелось создать вокруг себя такую же ауру волшебства, которую излучала Таточка. Я хотела переродиться, обновиться, сменить имя и перестать таскать за собой эту разъедающую тревогу и неуверенность.

Придя домой в тот день, я скинула с себя в мусорное ведро черные одежды. Расставила в ванной горящие ароматные свечи. И принялась аккуратно, чтоб не напугать саму себя пристальным вниманием, изучать свое тело. Такое нежное, такое чувственное, оно жаждало опыта других прикосновений. Теплых, пропитанных любовью и принятием.

– Никто больше не будет тебя обижать, – говорила я, по-матерински укачивая и обнимая себя за плечи.

А чуть позже этим же вечером, я, включив на всю громкость Jeff Buckley и его Hallelujah, песню, которую накануне для меня открыл Андрей, я совершала таинственный обряд приготовления рыбы. Лимонный сок стекал по кончикам пальцев на свежую рыбу, а я словно зачарованная смотрела на это. Никогда еще я не готовила с такой душевностью. Я делала привычные вещи, но моя голова была необыкновенно пуста и ни одна суетная мысль не смела даже возникнуть в ней. Мое внимание все было приковано к тому, что происходило здесь и сейчас. Только рыба. Соль. Перец. И этот лимонный сок, так соблазнительно стекающий на нежные чешуйки рыбы. И все вокруг было наполнено таким зыбким, но таким желанным умиротворением.

– Как это удивительно, – подумала я, – так просто почувствовать мир снаружи, когда внутри тебя царит спокойствие.

Неужели это секрет счастья? Но об этом я не успела подумать. Магия музыки и лимонного сока уводила меня все дальше и дальше, в такой неизведанный и девственный мир счастья...

The minor fall and the major lift
The baffled king composing hallelujah...
Hallelujah, hallelujah...

Глава 10. Привет, Андрей

Оглядываясь назад, кажется, в тот период жизни внутри меня царил хоспис. Тысячи просроченных надежд, разрушенных иллюзий, искалеченные мечты. Все это никак не хотело покидать меня естественным путем через слезы, пот, кровь, предпочитая стоном умирающих являться по ночам. Нелицеприятное зрелище. Нужно было переключиться, силой впихнуть себя в другую реальность. Прекратить реанимировать изжившие отношения. Последнее, что я могла сделать для своей великой любви – поджечь мосты, и согреть заледеневшую душу в этом пламени. Но эти мысли вызывали чудовищный страх.

Все начинать сначала. С нуля. Доверить свое тело другим рукам. Возможно еще более грубым и небрежным. Заново узнавать привычки друг друга. А вдруг новый мужчина будет ходить голышом по квартире, размахивая причиндалами? А если в постели захочет сделать что-то чуждое мне? В какой бы преисподней я не пребывала, это была моя преисподняя. Я знала в ней каждый уголок, и все оттенки боли, которую могла испытать. Все было знакомо, испробовано на своей шкуре, и создавалась иллюзия контроля происходящего. Задышалась от боли и отчаяния, но это не смертельно, и лучше, чем неизвестность. Падать дальше некуда. Это и есть дно. Но и на дне люди живут. Горький об этом писал. Мне свято верилось, что все еще можно исправить. Склеить. Пришить. Примотать друг к другу скотчем разбитые части нашей любви. Как знать, может со временем все срастется обратно, стерпится, слюбится.

Осознание того, что я не использую все возможности для спасения этих отношений, дамокловым мечом висело над головой. А вдруг я не все сделала, что могла? Вдруг недостаточно любила? Вдруг? Вдруг? Каждый день, каждый час я думала, что реанимационные мероприятия пойдут на пользу нашим отношениям. Но в глубине души я понимала, что слепо заблуждаюсь. Я лишь продляла смертельную агонию. Когда же становилось совершенно невыносимо находиться в этой реальности, я надевала кислородную маску.

– Привет! – зазывно мигал зеленый цветок аськи Андрея.

– Привет! – улыбалась я ему в ответ.

– Как оно? Опять вся синенькая?

– Терпимо, – отвечала я, закутывая руки в кофту. Будто через экран монитора Андрей мог разглядеть порцию свежих синяков после ночной ссоры.

– Ну, ну... Смотри, что у меня есть, – говорил он и скидывал название очередной песни. Нажав пару клавиш, я ловко находила песню в сети, и включала на полную мощь колонки.

– Scorpions «Let me take you far away»... Мне нравится! – поставив кучу улыбающихся смайлов, отвечала я.

– А о чем поют, понимаешь?

– Ммм, не совсем... О дороге, о солнце... И энергетика этой песни. Вдохновляющая.

– Балда! Вдохновляющая... Песни надо переводить, чтоб они звучали ярче, понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – сделав губки бантиком, отвечала я. – И не называй меня так! Я! Не! Балда!

– Балда, балда, а кто же еще? Терпеть такое обращение может только балда!

– У меня все хорошо! – начинала заводиться я от такого настойчивого, пусть и заботливого, проникновения на свою территорию.

– Ну и что же у тебя хорошего? – не унимался Андрей, пытаясь зацепить меня поглубже.

– А у тебя? – решила ловко перевести стрелки я.

– Ничего, – неожиданно для меня ответил он.

– Совсем ничего? – искренне удивилась я.

– Совершенно. Так же, как и у тебя.

– Нее, у меня есть такой друг, как ты и твои песни, и это хорошо.

Поставив кучу смайлов с алеющими щеками, Андрей отправлялся на поиски новых песен, а я впускала музыку в дом, и растворялась в ней, ощущая, как наполняюсь чем-то светлым, мягким и таким согревающим.

Где бы мы не находились, я физически ощущала во время разговора присутствие Андрея, слышала интонацию голоса, видела мысленным взором живую мимику его лица. И каждый раз после, думала: «Неужели с мужчинами можно вот так просто разговаривать? Делиться мыслями, новостями, сплетнями, слушать вместе музыку и порой даже мечтать. Каждый о своем, сокровенном. Но когда эти мечты попадали в общее поле, они становились нашими мечтами. И потом, спустя время, можно было сказать:

– А помнишь, ты мечтала...?»

– А помнишь, ты хотел...?»

Андрей появился на пороге моей жизни совершенно случайно. Волей судьбы мы какое-то время вместе работали над одним творческим проектом. Смешной, добродушный, открытый, громкий, он распахнул дверь моей плесневеющей вселенной, и по-свойски сказал:

– А теперь тут будет играть музыка! Тащите инструменты!

Андрей принадлежит всем и одновременно никому. С жадностью он пожирал глазами глубокие женские декольте и своей галантностью и бешеной мужской энергетикой заполнял пустоту, если таковая имелась. Но было в его взгляде нечто тоскливо-одинокое, некая потерянная и напряженность, которые он пытался преодолеть, скрыть под маской независимости и юмора. Я всегда с интересом наблюдала, как Андрей очаровывает женщин, а те, откидывая голову назад, смеются, и их дыхание становится зазывно прерывистым. Я и сама не раз ловила этот ошупывающий взгляд на себе. В такие моменты хотелось съежиться и убежать, зарыться головой в землю, подобно страусу, и не допускать даже мысли о том, что я могу быть сексуально привлекательной.

Через год знакомства я ослабила защиту. Возможно потому, что наши встречи с Андреем стали реже, и я успела позабыть о том, каким прожигающим может быть его взгляд. Упрочив Андрея в роли друга, а также присвоив негласно статус моей кислородной маски, я стала потихоньку открываться и ловить искры удовольствия от онлайн общения с ним.

Искусный сердцеед, – думала я, когда принимала «в подарок» очередную песню. Как у него это получается? Дать именно то, что нужно в данный момент. Заставлять сердце так радостно ликовать, а порой лирично-тоскливо сжиматься? Неужели он настолько тонко чувствует меня? Или это я настроилась на его волну? А может, это моя очередная иллюзия? Что он задумал и какую игру ведет? Посланник бесов или подарок небес?

Миллион вопросов разрывал голову, в то время как душа и сердце просто кайфовали, а внизу живота возникало такое неведомое трепетание. Будто тысячи бабочек щекотали изнутри. И порой хотелось взять нож и вскрыть себя, чтобы вытащить эту стаю чешуекрылых и остановить хаос чувств. Потому что негоже замужней девушке испытывать подобное к мужчине. К мужчине, который не является ее собственным.

Глава 11. Настоящее. Живое

– Очнись, детка, ты не замужем! – говорила Таточка, заваривая кофе. – Игорь хоть раз предлагал тебе выйти за него замуж?

– Нет, – пожимала плечами я, – но ведь это само собой разумеется. Мы живем вместе, мечтаем о детях. Когда-нибудь брак непременно случится.

– Вот когда случится, тогда и будешь рассуждать, как замужняя женщина. А пока вы просто живете вместе. Просто. Живете. Вместе. Не придумывай лишнего.

Слова Таточки стали откровением. Ведь не бывает такого, чтобы мужчина и женщина жили под одной крышей, спали в одной постели и... Эта мысль никак не находила себе место в моей голове. Как это не муж и жена? Кому нужен штамп в паспорте? Многие так живут. Ведь прежде, чем окунуться в реальную семейную жизнь, нужно попробовать просто пожить. Запустить демоверсию брачного союза и понять, надо ли оно тебе, действительно ли это твое? Тот факт, что мы уже извели вкус нашего совместного существования, и оба были им отравлены, полностью отрицался сознанием.

«Нам нужен ребенок!» – однажды решила я. Отцовство пойдет Игорю на пользу. Он станет мягче, добрее, в конце концов, в нашей семейной жизни появится наивысший смысл. Откуда мне было знать, что именно так все и будет, я не задумывалась. Мне так казалось, я так чувствовала. А об остальном я старалась не думать. Стать матерью была моя заветная мечта, и я хотела ее осуществления любой ценой.

Какое великое заблуждение, что дети служат клеем для разваливающихся отношений. Кто придумал данную легенду? Не является ли это таким же суеверием, как например, плевать через левое плечо, когда черная кошка перебегает дорогу, дабы не случилось беды, или улыбаться, чтоб не поссориться, если за столом попросили передать соль. Я прям вижу, как какая-то недалёковидная, выжившая из ума бабулька, раскладывая карты, говорит своей юной внучке:

– Вижу, вижу, у него на стороне дама пик. И чтобы разорвать их связь, тебе нужно родить дите. А лучше двух. Куда он тогда денется?

Вероятно, с тех пор это поверье и разносится по свету, мол, дети скрепляют семейный союз. А вот какой ценой – это уже другой вопрос. Дело-то сделано – мужик остался в семье. Женщина довольна. А все остальное – издержки жизни. То, что дети – как лакмусовая бумажка обнажают даже скрытые проблемы в отношениях супругов, я тогда не знала. Да и не могла знать. В школе этому не учат, да и на психологии семьи в институте такие нюансы не разбирают. Среди жизненных циклов супружества не встречается такой этап – «Отношения умерли. Пора переходить к следующей стадии – рождение детей». Это потом, гораздо позже, ко мне на консультации начали приводить детей разрозненных родителей. Детей, страдающих перееданием или наоборот, отказывающихся принимать пищу. Детей, углубленных в себя, как улитки в раковины, или агрессивных, никого не слышащих детей. Детей, на плечи которых взваливается ответственность за психологическое благополучие родителей, за сохранение семьи. Ни о чем из этого я тогда не думала. Зато твердо была убеждена – ссоры и побои прекратятся, стоит только родить ребенка. А лучше двух. В этом-то и заключалась ахиллесова пята наших отношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.